

ИСКУССТВО – ФРОНТУ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

АННОТАЦИЯ

В публикации впервые представлены воспоминания о буднях времен Великой Отечественной войны артистов советского балета из архива народного артиста СССР, доктора искусствоведения, профессора Ростислава Владимировича Захарова (1907–1984). Публикуемые материалы представляют фрагменты неизданных рукописных архивов и записей Р. В. Захарова, посвященных истории советского балета. В воспоминаниях 1970-х гг. сам Ростислав Владимирович, а также знаменитые балерины О. В. Лепешинская и Т. В. Лазаревич рассказывают о днях эвакуации Большого театра в Куйбышев, о вдохновенном творчестве в атмосфере тягот войны, о самоотверженном стремлении внести свой вклад в дело Великой Победы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: О. В. Лепешинская, Большой театр, советский балет, фронтовые концертные бригады, Великая Отечественная война.

THE ART FOR THE FRONT (FROM MEMORIES)

ABSTRACT

This first publication presents the Soviet ballet dancers memories of the everyday life of the Great Patriotic War from the archives belonging to the People's Artist of the USSR, choreographer, Dr. habil. in Arts Professor Rostislav Vladimirovich Zakharov (1907–1984). The published materials are the fragments of an unpublished manuscript archives and records of R. V. Zakharov on the history of the Soviet ballet. In the presented memories of the 1970s Rostislav Vladimirovich, famous ballerinas Olga Lepeshinskaya and Tatyana Lazarevich talk about the days of the Bolshoi evacuation to Kuybyshev, about inspired creativity in the atmosphere of the war hardships and the selfless desire to contribute to the Great Victory.

KEYWORDS: O. Lepeshinskaya, the Bolshoi Theatre, Soviet ballet, frontline concert groups, World War II.

Статью¹ составляют материалы, собранные народным артистом СССР, доктором искусствоведения, профессором Ростиславом Владимировичем Захаровым, долгое время возглавлявшим кафедру хореографии ГИТИСа. В 1970–1980-е гг. он рабо-

тал над книгой, посвященной легендарной советской балерине народной артистке СССР Ольге Васильевне Лепешинской (1916–2008). Рукопись книги осталась незавершенной, многие из собранных текстов представлены в форме расшифрованных интервью. В дни празднования юбилея Великой Победы важно

¹ Рукопись находится в архиве Российского института театрального искусства – ГИТИС.

помнить о вкладе каждого в дело свержения фашизма, огромную роль играла и самоотверженность артистов, поднимавших дух советских воинов.

В эту статейную публикацию из развернутых рассказов Захарова о постановках в Большом театре, об участии в них Ольги Лепешинской вошли воспоминания о жизни Большого в эвакуации, о фронтовой концертной деятельности, о выступлениях перед бойцами Красной армии. Эмоциональные рассказы, местами полные скрытой иронии и лиризма, передают атмосферу сурового военного времени и отражают решимость артистов любой ценой помогать фронту. Сейчас широко известен факт, что в годы войны и Лепешинская, и Захаров перечислили огромные по тем временам суммы полученных ими Сталинских премий в Фонд обороны СССР. И это лишь малая часть их помощи делу Победы. Помимо воспоминаний самой Лепешинской в статью включены собранные Захаровым воспоминания солистов балета ГАБТа, а также одного из офицеров – героя войны о фронтовой концертной бригаде в годы Великой Отечественной, в которой принимала участие О. Лепешинская. Воспоминания несут на себе печать времени – герои не оценивают противоречивые факты тех лет.

В последующее время народная артистка СССР, профессор Ольга Васильевна Лепешинская работала в ГИТИСе на кафедре хореографии.

Последней нашей с Ольгой Васильевной Лепешинской работой, перед Великой Отечественной войной, был балет «Тарас Бульба»², сценическая жизнь которого была прервана этой катастрофой, да так и не возобновилась. Новая творческая встреча произошла уже в Куйбышеве, куда решением правительства были эвакуированы главные московские учреждения, дипкорпус и призванный их обслуживать Большой театр в основном своем составе, который был назван тогда «золотым фондом».

Время было грозное, тревожное, тяжелое. Под натиском превосходящих в технике сил врага отступали наши войска, оставляя город за городом. Под угрозой оказалась и Москва, которую непрерывно бомбила фашистская авиация. Сегодня, читая мемуары наших полководцев, замечательную книгу маршала Жукова, военному гению которого мы во многом обязаны спасением от фашизма, мы многое узнали, нашли ответы на мучившие нас вопросы. А тогда...

Город уходил, уезжал на чем было только возможно. Ехали автобусы, грузовики, даже троллейбусы на прицепе у других машин, многие шли пешком, надеясь в дороге найти попутный транспорт. Москва пустела с каждым днем. С немецкой аккуратностью по часам на ее районы ложились бомбы. Враг дошел почти до Химок.

Надо сказать, что эвакуация Большого театра была организована и проведена в таких условиях прекрасно. В день, когда по решению Комитета по делам искусств должна была выехать первая группа артистов, музыкантов и руководителей, у нас происходило все спокойно, без спешки и нервозности. Помню, как в 5 часов утра

2 Премьера балета В. П. Соловьева-Седого на либретто С. С. Каплана в постановке Р. В. Захарова прошла в Большом театре 26 марта 1941 г.

14 октября 1941 года к моему дому № 6 на улице Москвина (дом этот был при мастерских Большого театра) подошла машина-такси. Наскоро сняв со стены ковер, я побросал в него кое-какие вещи, посуду, еду, что нашлась в доме, связал ковер узлом и сел в машину. К великому нашему счастью, день выдался на редкость ненастным, Москва была затянута густым туманом, ехали мы словно в молоке. Погода будто специально охраняла уезжавших из столицы жителей от вражеских налетов. Ведь в то время не было еще автоматического наведения самолетов на цель.

Казанский вокзал был забит народом. У отъезжавших почти не было багажа, люди забирали с собой лишь самое необходимое – какие-то узелки, свертки, так как было объявлено, что с багажом в поезд сажать не будут. Отправление задерживалось, погрузки долго не было. И вот мы услышали сообщение по радио: «От Советского информбюро» – донесся из репродуктора голос Левитана. — Наши войска ведут тяжелые оборонительные бои на Можайском направлении. . . » Это было уже совсем близко. Невольно у каждого возникла мысль: успеем ли уехать? Ведь немецкие танки могли перерезать дорогу к Волге, даже ворваться в столицу. . . Мы в то время не знали, какие невероятные усилия предпринимал Г. К. Жуков, чтобы собрать разрозненные воинские части и организовать оборону Москвы в эти, казалось, совершенно безнадежные для нее дни. И чудо свершилось, столицу отстоять удалось. Она обязана этим массовому героизму нашего народа. Но тогда мы были в полном неведении о положении дел и могли только ждать и ждать.

Кто-то из руководителей нашей эвакуации подошел к группе работников театра и сказал: «Ну что ж, будем грузиться, состав подан». Затем, взглянув на пасмурное небо, со вздохом добавил: «Только бы нам проскочить Рязань!» Мы не совсем его поняли и лишь потом узнали, что танковые разъезды немцев побывали уже около Рязани.

Наконец, наш поезд отошел, но, пройдя километров 20–30, остановился. Задержка длилась часа два, мы полагали, что занят путь. Когда же наконец двинулись, увидели вдоль пути груды дымящихся развалин. Это догорала только что разбомбленная станция.

В Рязань приехали уже ночью. Все железнодорожные пути были заняты составами с воинскими частями, танками, орудиями, санитарными поездами, переполненными ранеными. . . Не было свободного метра пути. Я подошел к окну. По всему небу и по земле скользили лучи прожекторов, прощупывая местность. Ожидался танковый прорыв или высадка воздушного десанта. Прожектора нервно сновали взад и вперед, подчеркивая напряженность обстановки.

Рязань удалось миновать, и после нее мы ехали уже спокойно, не было ни одной тревоги, ни одного налета, и наш более чем четырехсуточный переезд до Куйбышева прошел благополучно. Подъезжая к городу, в котором нам предстояло переждать более двух лет войны, мы, после погруженной во мрак Москвы, были поражены яркими огнями еще не затемненного в те дни города. Это показалось и странным, и радостным. Мои мысли

уже были заняты тем, как перевезти в Куйбышев семью, которая еще раньше была эвакуирована сперва в Горький, а затем в другой волжский городок – Васильсурск, где в то время находилось Московское хореографическое училище.

Разместили всех прибывших в двух больших школах, примерно по 20 человек в каждом классе, где не было ничего, кроме большого стола. Мы заняли себе по небольшому участку и расположились прямо на полу, подстелив под себя свои пожитки. Через какое-то время мы получили узенькие железные койки. Нам на пять человек досталось две. Купив на базаре цинновки, каждая семья отделялась от остальных таким примитивным способом. Но в то тяжелейшее время рады были и этому, благословляя город Куйбышев, приютивший нас.<...>

Р. В. Захаров: Лешенька, Елена Дмитриевна Кругликова³ мне рассказывала, как Вы с ней выступали во фронтовой бригаде, вспоминала некоторые эпизоды. Да я и сам хорошо помню, как Вы ездили с бригадой из Куйбышева, где мы находились в эвакуации. Вам, наверное, запомнилось много интересного.

О. В. Лепешинская: Да, я могу многое вспомнить. Первый наш выезд на фронт от Москвы продолжался всего три часа. Это было под Можайском. Выступали в церкви, где была снесена крыша. Тогда было учреждено первое звание гвардейской дивизии, и мы присутствовали при этом торжестве, ради которого и прибыли в эту первую гвардейскую часть.

С нами были Мария Петровна Максакова⁴, Максим Дормидонтович Михайлов⁵, чей великолепный бас раздавался под сводами церкви...

Мы с Вами знаем, что «карьера» Максима Дормидонтовича началась с «должности» протодьякона, его голос смолodu звучал под сводами храма. И вот в войну ему довелось, значит, снова там выступать, но при каких чрезвычайных обстоятельствах!

Р. В. Захаров: Кто еще выступал с вами?

О. В. Лепешинская: Еще Валерия Владимировна Барсова⁶, Дмитрий Николаевич Журавлев⁷ читал прекрасные стихи Багрицкого. Я танцевала с Асафом Михайловичем Мессерером⁸, как ни странно, на месте, где был некогда алтарь.

Много позднее мне довелось выступать под Киевом, когда наши войска выбили фашистов из Харькова и мы вошли в город буквально за нашими войсками.

Р. В. Захаров: И видели все ужасы войны!

О. В. Лепешинская: Да, страшные были бои, страшные поля, страшные потери.

3 *Е. Д. Кругликова (1907–1982) – народная артистка РСФСР, оперная солистка Большого театра.*

4 *М. П. Максакова (1902–1974) – народная артистка СССР, оперная солистка Большого театра, профессор ГИТИСа.*

5 *М. Д. Михайлов (1893–1971) – народный артист СССР, оперный солист Большого театра. Протоиерей Русской православной церкви.*

6 *В. В. Барсова (Калерия Владимировна; 1892–1967) – народная артистка СССР, оперная солистка Большого театра.*

7 *Д. Н. Журавлев (1900–1991) – народный артист СССР, выдающийся мастер художественного слова, артист Московской филармонии.*

8 *А. М. Мессерер (1903–1992) – народный артист СССР, балетмейстер, хореограф, солист балета Большого театра.*

Выступать нам приходилось даже на земле. Пожалуй, я не танцевала только на бильярдном столе, а то пришлось однажды даже на крыле самолета.

Р. В. Захаров: Как так? Расскажите.

О. В. Лепешинская: К крылу самолета подставляли нечто вроде сцены на грузовике с откинутыми бортами и вот на таком сооружении мы танцевали.

Но я хочу рассказать о том случае под Киевом. Был яркий солнечный день. На траве амфитеатром уселись наши воины, а мы с Петром Андреевичем Гусевым⁹ танцевали прямо на земле. Даже пришлось прыгать к нему на «рыбку» через кустик, который тут оказался. Носок туфли во время туров штопором уходил в землю, и Гусеву приходилось приподнимать меня, чтобы извлечь из земли.

Теперь вспоминаешь все это с оттенком юмора, а тогда мы были переполнены радостью от сознания того, что и ты что-то можешь сделать для фронта, для наших героических защитников, как-то ответить на подвиги, которые совершал наш народ.

Р. В. Захаров: А бывали Вы в таких условиях, когда могли попасть под артиллерийский обстрел или в окружение?

О. В. Лепешинская: Да, и так было. Помню, мы приехали к летчикам как раз тогда, когда немцы повесили осветительные фонари, чтобы определить объекты для бомбежки.

Между прочим, однажды перед выступлением мне надо было разносить новые туфли, мне дали для этого доску, на которой по-немецки было написано «Киев», а Киев – моя родина. Дощечка эта была уже выброшена, а вот подожди ты, пригодилась мне на то, чтобы потоптаться на ней в новых балетных туфлях...

Р. В. Захаров: Вот Вы рассказываете об этом так просто, а эпизод этот произвел на меня большое впечатление. Я испытываю одновременно чувства торжества и страха. Вспоминая то время, я не могу забыть переживаний, которые испытывали все мы, когда слушали сводки. Например: «После упорных боев наши войска оставили Киев». И вот настал день, когда в небо взлетел салют в честь освобождения матери городов русских. Я хоть в Киеве не родился, но артистическая жизнь моя началась там, и я на всю жизнь влюбился в этот красавец-город. Так что мне особенно приятно было услышать, что то немецкое название Киева, которое было начертано по приказу Гитлера, и как ему казалось, навечно, было растоптано легкими башмачками русской балерины!

О. В. Лепешинская: Да, ассоциация занятная. А помните, Славочка, как мы в Куйбышеве работали с Вами над новыми номерами? Сборы с концертов пошли на постройку самолета. Бригада, которую я возглавляла, гастролировала по разным городам, и средства нужные мы собрали.

Вы поставили нам для нашей третьей программы вальс Штрауса, «Молдаванку». И вот в тот период, когда тыл делал все для фронта, я вступила в кандидаты ВКП (б).

⁹ П. А. Гусев (1904 – 1987) – народный артист РСФСР, солист балета Большого театра.

Когда Ленинградский райком принимал меня в кандидаты, нас нацеливали на то, чтобы мы стали обслуживать тружеников тыла. Нам пришлось много путешествовать в эти трудные годы. Вот тогда мы и собрали на военный самолет, который взлетел в воздух нашими стараниями.

Когда в Германии началась «эпоха Гитлера», настала очень страшная пора. Искусство, по существу, умерло. Классического балета там по-настоящему и не было. Когда же после войны демократическое правительство ГДР пришло к власти, то первое, о чем оно задумалось, как возродить и развивать искусство.

И если традиции литературы и кинематографа не были забыты, то с балетом было совсем плохо. И тогда профессор Фельзенштейн, узнав, что я оставила сцену, попросил меня в этом деле помочь.

Р. В. Захаров: Знаете, Леличка, я большой поклонник его таланта. Видел его спектакли в ГДР. После смерти Гордона Крэга это режиссер номер один.

Леша, давайте без скромности, ведь Вы отлично говорите по-английски, а на каких языках еще Вы можете объясняться? Ведь Вам приходится работать в разных странах.

О. В. Лепешинская: Как Вам сказать, у меня, пожалуй, выработалось правило: в какую бы страну я ни приехала, разумеется, по балетному заданию, всюду выучиваю ряд необходимых слов. Как Вы знаете, в балете везде принята единая французская терминология и поэтому названия всевозможных па всеми понимаются, но вот, например, когда нужно сказать ученику: поверни голову налево и переводчик начнет это переводить, пора будет уже сказать: а теперь поверни ее направо. Так что давать уроки с переводчиком – дело неблагодарное. Поэтому везде приходится выучивать хотя бы короткие фразы, вроде той, что я Вам сказала, и также обязательно названия всех частей тела.

Р. В. Захаров: Вы знаете, Леша, передо мной также везде вставала эта проблема, так как ставить танцы и мизансцены, не зная некоторых необходимых слов и фраз, чрезвычайно трудно, а переводчик иногда становится даже помехой. Я всюду просил мне помочь поскорее заучить необходимые фразы, на ночь вызубривал то, что нужно, – по словарю и кончал тем, что прощальную «речь» (если можно так выразиться) произносил хоть кратко, но на местном языке.

* * *

Р. В. Захаров: Я обратился к современнице Лепешинской – прекрасной солистке балета Большого театра Татьяне Владимировне Лазаревич¹⁰, которая много танцевала в спектаклях с участием этой балерины, с просьбой поделиться своими воспоминаниями.

— А помните ли Вы военное время, нашу работу в Куйбышеве и Лепешинскую в условиях эвакуации?

Т. В. Лазаревич: Конечно, помню. Только Лепешинская в Куйбышеве бывала не часто. Она прилетала, готовила концертную программу и очень быстро

10 Т. В. Лазаревич – заслуженная артистка РСФСР, солистка балета Большого театра.

улетала то на фронт, то в поездку по стране. Даже в своем любимом «Дон Кихоте» она выступала не часто и роль Китри тогда перешла ко мне.

В последние годы нашей работы в театре я замечала, что Леля работала не столько над техникой, которая ее никогда не подводила, сколько над образом, и потому ее роли были всегда глубоко продуманы, и она в разных спектаклях не повторялась.

Р. В. Захаров: А какие балеты Лепешинской Вам особенно запомнились?

Т. В. Лазаревич: «Спящая красавица». Она вся искрилась в этом балете, особенно в юности. Очень хороши были ее глаза. Нравилась мне она и в «Медном всаднике». Это была Параша, какой я себе ее представляю по пушкинским произведениям. Эта роль совершенно не походила на другие ее роли, была полной противоположностью, например, Китри. И все же это была ее большая удача. Я в «Медном всаднике» танцевала, если помните, «Танец с кольцом» на Сенатской площади.

Р. В. Захаров: Как же мне не помнить! Этот танец у Вас прелестно получался. Женственность, грация и лукавство – эти Ваши качества тут проявлялись в полной мере.

* * *

Р. В. Захаров: Однажды ко мне зашел друг с Украины, известный деятель, большой специалист по украинскому народному танцу Ким Василенко¹¹ со своим дядей, боевым генералом, Героем Советского Союза Гавриилом Тарасовичем Василенко¹². В этот день по радио передавалось выступление О. В. Лепешинской с воспоминаниями о Великой Отечественной войне, и мы сделали перерыв в беседе, чтобы ее послушать.

Нечего и говорить, что выступление, как всегда, было отличным и по содержанию, и по форме. Передача взволновала не только нас, но и миллионы радиослушателей, которые прислали в редакцию радио множество откликов и благодарностей. И вот, как говорят, мир тесен. Гавриил Тарасович после передачи говорит: «А ведь я давний поклонник Лепешинской и неоднократно встречался с ней в обстоятельствах сложных, даже исключительных». И я тут же обратился к нему с просьбой об этом рассказать.

Г. Т. Василенко: Впервые я увидел Лепешинскую до войны на сцене Большого театра. Она была в расцвете таланта и танцевала великолепно. А встретился я с ней совсем неожиданно, во время войны, когда вся страна встала на защиту Родины. Москвичи – рабочие, интеллигенты, окрестные крестьяне – пришли просить, чтобы их зачислили в народное ополчение. Я в те дни производил набор в ополчение и, как сейчас помню, мне большого труда стоило отговорить некоторых людей, которым либо по возрасту невозможно было вступить в него, либо они крайне необходимы были стране на тех постах,

11 К. Ю. Василенко (1925 – 2002) – народный артист Украины, танцор, хореограф, педагог, руководитель украинских ансамблей народного танца.

12 Г. Т. Василенко (1910 – 2004) – Герой Советского Союза (1940), генерал-лейтенант.

которые занимали. Ведь фронту были нужны не только бойцы в окопах, но и труженики тыла, которые обязаны снабжать наш фронт всем необходимым. Запомнились мне тогда три или четыре девушки-балерины, которые изъявили желание вступить в армию и идти прямо на фронт.

Р. В. Захаров: Вот какие были у нас женщины! А ведь мы с Вами, Гавриил Тарасович, беседуем в год, который во всем мире называют Международным годом женщин¹³.

Г. Т. Василенко: Да, в Великой Отечественной войне принимало участие очень много советских женщин. Назову точную цифру: 80 000 участниц войны, которые были и медицинскими работниками, и радистками, и снайперами, и летчицами, и даже танкистками. Но были и другие формы участия в великом деле обороны Отечества. Мы – воины, хорошо помним, как к нам на передовые позиции приезжали артисты и своим оружием искусства помогали нам воевать, поднимая боевой дух. Среди них была и Ольга Лепешинская. Бойцы наши очень любили песню и танцы. Ведь где танец – там всегда веселость, бодрость, хорошее настроение, а песня нас сопровождала повсюду.

Так вот, когда Ольга Васильевна пришла просить зачислить ее в ряды бойцов 33-й армии, которую мы тогда формировали, мне стоило немалого труда отговорить ее от этого и убедить в том, что она своим искусством должна принести нам гораздо больше пользы, чем сможет сделать с винтовкой в руках. Я уже знал ее тогда как великолепную балерину и понимал, что сохранить ее было совершенно необходимо. Она поняла это, и много выступала перед нашими бойцами. Но она делала не только это. В первые дни войны она провожала бойцов на Белорусском вокзале, организуя веселье, танцы, своим оптимизмом заражая всех, и солдаты уезжали на фронт в приподнятом настроении.

А фронт все приближался к Москве. Наши бойцы в двухмесячных боях задерживали и уничтожали фашистские группировки на рубеже Днепр – Смоленск. Туда приезжала Ольга Васильевна, выступая на полянах, между окопами – в местах, где бойцы могли немного отдохнуть от пуль и снарядов. Помню, что Ольга Васильевна приезжала в район реки Нара. Там формировалась и защищала Москву 33-я московская ополченческая армия и, грудью встав в центре наступления фашистов, не допустила их к Москве, задержала на реке Нара. Работники искусства своим прекрасным оружием сражались тоже, отдавая все силы и талант тем, кто бился с подлым врагом. Артисты приезжали на все фронты. Солдаты, офицеры, генералы – все любили, конечно, артистов Большого театра – знаменитых певцов и танцоров. На фронт приезжали Козловский, Михайлов, Барсова, Кругликова, воодушевляя нас на разгром врага под Москвой. Артисты, в том числе Лепешинская, посещали и госпитали, где лежали раненные в жестоких сражениях. Я тоже находился после ранения в госпитале, организованном в Тимирязевской академии. Лечились

13 1975 год – Международный год женщины. Это позволяет идентифицировать время создания воспоминаний.

там также Рокоссовский, Еременко. Это был март 1942 года. Артисты делали для нас все, на что были способны, своим искусством старались облегчить наши страдания, чтобы мы могли быстрее залечить раны и вернуться в строй.

Помню, как Ольга Васильевна своими танцами, полными оптимизма, радовала нас, умела передавать и нам свое душевное состояние.

То, что Лепешинская была не только замечательной артисткой, но и гражданином, патриотом своей страны, стремившимся отдать себя целиком делу защиты Родины, я почувствовал уже тогда, когда она явилась на пункт и изъявила желание немедленно идти на фронт. Она могла успешно сражаться, так как была «ворошиловским стрелком», как тогда называли наиболее метких стрелков, но сражалась еще более успешно, вдохновляя нас большим искусством, поддерживая дух всего народа – от рядового бойца или скромной колхозницы до народной артистки. Он был настолько высок, все сражались и трудились с таким напряжением всех сил, что именно это привело к такому сокрушительному разгрому сильнейшего врага.

У нас ведь не было помощников, мы встретили врага один на один. Только наша сплоченность дала нам возможность выстоять в критический момент и повернуть исход войны в свою пользу. Правда, был ленд-лиз. 3 % от всего, что производилось для советской армии, шло через этот самый ленд-лиз. Могли ли эти 3 % сыграть решающую роль в нашей победе – судите сами. Когда пошли на фашистов наши самолеты, наши танки, наши пушки, эти 3 % совершенно растворились в потоке.

Прошло после войны уже 30 лет, мы давно перешли на мирную работу. Что делает сейчас Ольга Васильевна?

Р. В. Захаров: Теперь она посвятила себя педагогической деятельности, передает свои знания молодому поколению. В частности, она работает и в нашем ГИТИСе, где я заведу кафедрой хореографии.

Г. Т. Василенко: Мне как самому старому почитателю ее таланта очень хотелось бы посмотреть на ее работу.

Р. В. Захаров: С удовольствием Вам в этом помогу. Думаю, что и Ольга Васильевна нам не откажет.

* * *

Должен отметить, что в годы эвакуации мы не только сумели восстановить некоторые оперы и балеты из своего репертуара, но и создали новые. Так, например, на куйбышевской сцене мы с дирижером Александром Шамильевичем Мелик-Пашаевым¹⁴ поставили патриотическую оперу

Россини «Вильгельм Телль». Премьера состоялась в 1942 г. – в год Сталинградской битвы и была удостоена Сталинской премии 1-й степени. Были и другие работы, но о них позже.

Все работники Большого театра – кто были в эвакуации и те, что оставались в Москве, трудились в условиях

14 А. Ш. Мелик-Пашаев (1905–1964) – народный артист СССР, в годы войны дирижер оркестра Большого театра.

военного времени самоотверженно. Находясь в Куйбышеве, художник Петр Владимирович Вильямс¹⁵ писал эскизы к опере «Вильгельм Телль», и они на самолете отправлялись в Москву. Там, в затемненном, голодном городе, в нетопленых цехах декорационных и костюмерных мастерских, где на ки- стях художников иногда замерзала краска, эти эскизы превращались в новые декорации и костюмы. И самое удивительное то, что в те невозможно труд- ные времена каким-то образом находились вагоны и платформы, на которых эта продукция мастерских прибывала в город на Волге, где совсем невдалеке кипело ожесточенное историческое Сталинградское сражение. Воздушные тревоги в пути и в самом Куйбышеве объявлялись неоднократно, но ни одна бомба не повредила этот груз. В то же время сами московские мастерские и дом, где были наши квартиры, довольно сильно пострадали от упавшей со- всем рядом бомбы.

Свои спектакли мы давали для зрителей, среди которых, кроме рабочих и инженеров военных заводов, изготавливавших знаменитые истребители и танки, были также военные летчики и танкисты, приезжавшие принимать эту технику. Иногда прямо из театра они отправлялись на совсем близкий фронт.

Прочитав в газетах о присуждении нам Сталинской премии, мы – но- вые лауреаты тут же написали в Москву письмо с просьбой передать де- нежную часть премии – 100 000 рублей на строительство боевого самолета, за что каждый из нас получил благодарность за подписью Сталина.

Ольга Васильевна Лепешинская, как и все советские люди, понимала, что все свои силы и способности теперь, как никогда ранее, необходимо от- давать родному театру и таким образом — народу, ведущему жестокий бой с коварным врагом. И что же, как не искусство способно оказать в этом боль- шую моральную поддержку! Но одна работа в театре нашу артистку удов- летворить не могла.

Ее патриотические устремления и неиссякаемая энергия требовали более активной деятельности.

Известно, что много артистических бригад в те грозные годы были вме- сте с армией, обслуживая воюющие части, выезжали и на флот, выступая прямо на кораблях, и на военных аэродромах перед летчиками, которые по тревоге тут же садились в свои боевые машины, а артисты укрывались в блиндажах.

Концерты часто проходили в непосредственной близости от фронта. Значение их невозможно переоценить: кроме непосредственного удо- вольствия от встреч с подлинным искусством, бойцы чувствовали, пони- мали, что они не оторваны от жизни своей страны, а свя- заны с нею через столичных и других артистов, которые как настоящие бойцы не боятся смертельной опасно- сти, подстерегающей их и при переездах из одной части в другую, и во время самих концертов, зачастую преры- вавшихся сигналами тревоги. Естественно, что далеко

15 П. В. Вильямс (1902 – 1947) – заслуженный деятель искусств РСФСР, с 1941 г. главный художник Большого театра.

не все артисты благополучно возвращались, немало их разделило судьбу наших воинов, попав в окружение, погибнув от артобстрела или бомбежек.

Выступали артисты и на поставленных в ряд грузовиках, и прямо на лужайках в кругу сидящих на траве зрителей. Давали концерты и в полевых госпиталиях, неся своим искусством утешение раненым бойцам.

Приехав в Куйбышев и приняв участие в концертах и спектаклях, которые всегда сопровождалось огромным успехом, Лепешинская сразу решила составить фронтową бригаду и отправиться с ней как можно скорее в действующую армию. Для этого она стала готовить концертный репертуар. У нее уже были танцевальные номера, которые она исполняла со своим партнером П. Гусевым, но она задумала создать и новые, специально для фронтových выступлений, и обратилась ко мне с просьбой поставить несколько танцев. Я, разумеется, с радостью откликнулся на эту просьбу.

На известную зажигательную плясовую мелодию я поставил танец «Молдаванка». Это не был просто народный танец, который мы видели в исполнении молдавской самодеятельности, я придумал для него такой сюжет: в стремительном танце на сцену вылетает девушка-молдаванка. На лице ее ужас, она, как видно, пытается убежать от преследовавшего ее эсэсовца. И вот на сцену прусским шагом – выкидывая ноги вперед появляется немецкий солдат. Он полон самодовольства, уверен, что на этой земле ему все подчиняется. Девушка тщетно пытается от него ускользнуть и вскоре оказывается в руках фашиста. Между ними завязывается борьба, девушка отчаянно сопротивляется. Он вскидывает ее наверх, кружит, прижимает к себе и... тут она, изловчившись, срывает с его пояса гранату и замахивается на подлеца. Фриц мгновенно преображается: нахал превращается в труса, просит, умоляет, но напрасно, угроза смерти нависла над ним. Девушка, издеваясь, заставляет немца плясать молдавский танец, он делает это неловко, неуклюже, наконец падает на землю и, отталкиваясь руками, уползает за кулисы. Вслед ему летит граната и раздавшийся взрыв возвещает о том, что враг уничтожен. Сорвав с головы красную косынку, молдаванка несет по кругу в стремительном танце и, торжествуя победу, устремляется за кулисы.

Эта тема сопротивления настолько жила в каждом из нас, что мне не понадобилось долгого обдумывания, подготовки к сочинению, а исполнителям — длительного разучивания. Лепешинская и Гусев были теми артистами, которым предложенный материал оказался чрезвычайно близким. Гусев — лысеющий блондин, был так похож на немца, что грима ему почти не потребовалось. Отрицательные типы ему удавались превосходно, и эта роль подошла как нельзя более. Лепешинская же вложила в этот небольшой эпизод всю силу своего таланта, актерской выразительности. Множество разных чувств и переживаний отражались на ее лице, во всем теле. Испуганная, трепещущая перед насильником девушка, попав в его руки, вся горела глгучей ненавистью, которая помогла ей преодолеть страх перед сильнейшим, и она оказывала ему яростное сопротивление. А какое торжество было написано на ее лице, какими стремительными были движения,

выражающие бурную радость от сознания победы! Мастерство выдающейся актрисы захватывало зрителей, тема была им близка, и они бурно приветствовали исполнителей, заставляли повторять этот короткий, но насыщенный темпераментом номер.

Вспоминается и такой эпизод. Закончив очередную репетицию, я собирался идти домой, как вдруг ко мне буквально бросились Лепешинская и Гусев, а за ними скрипач Юлий Реентович¹⁶ и пианист Абрам Жак¹⁷. Я не сразу сообразил, что им нужно. Окружив меня, они все вместе стали говорить, что Лепешинской для фронтовой бригады необходим еще один танец, красивый, жизнерадостный, способный доставить зрителям эстетическое удовольствие. «Мы просим поставить нам вальс Штрауса», – сказала Ольга Васильевна. – «Хорошо, Леша, я подумаю», – ответил я. – «Никаких подумаю, давайте сейчас!» Я попытался возразить, что понятия не имею, как сгоряча буду сочинять, ведь ничего не получится. «Все очень просто! – вскричала Лепешинская. – Вот Абраша и Юля сейчас Вам поиграют этот вальс столько раз, сколько Вам будет нужно, а мы Вас ждем в зале через сорок минут». Я несколько оторопел, но, заразившись энтузиазмом моей любимой артистки, не стал больше раздумывать и сказал: «Хорошо!».

И Жак, и Реентович, от души желая помочь балерине создать новый номер для ее концертной программы, так старались, играли с таким настроем и темпераментом, что разожгли мою фантазию, и передо мной стали возникать образы. Я увидел старую Вену, одну из ее площадей, на которой стоит рекламная будка с наклеенной афишей – анонс, возвещающий о концерте Иоганна Штрауса. Перед афишей стоит спиной к зрителям, опершись на трость, молодой человек в цилиндре и костюме середины XIX в. Он внимательно читает афишу.

Из-за кулис выбегает молоденькая девушка. Как видно, она опаздывает на свидание. В руках она нервно вертит перчатку и озирается по сторонам, ожидая того, кто должен был сюда явиться. На молодого человека у тумбы она не обращает внимания. Перчатка падает из ее рук. Молодой человек поднимает ее и, приподняв цилиндр, с поклоном вручает обладательнице. Та холодно благодарит, продолжая искать глазами того, кто все еще не пришел. Это происходит на музыку вступления к вальсу «Голубой Дунай».

Услышав начало мелодии, которую исполняет невидимый оркестр, молодой человек начинает дирижировать своей тросточкой, как бы проверяя темп вальса. Девушка с удивлением на него смотрит. Очаровательная мелодия захватывает и ее. Заметив это, молодой человек с поклоном приглашает ее на тур вальса. И вот они закружились в танце. У нее словно дух захватило от волшебной музыки и от того, как хорошо танцует ее неожиданный партнер. Она высоко взлетает в его сильных руках, они кружатся все быстрее, быстрее... Вдруг она

¹⁶ Ю. М. Реентович (1914–1982) – народный артист РСФСР, с 1931 г. – музыкант оркестра, с 1952 г. – концертмейстер Большого театра.

¹⁷ А. С. Жак (1901–1981) – заслуженный артист РСФСР, музыкант оркестра Большого театра.

почувствовала, что у нее закружилась голова, покачиваясь, она идет на пальчиках, ее заносит из стороны в сторону, но ей весело, она сама над собой смеется. Заметив, что его партнерша вот-вот упадет, молодой человек пытается ее поддержать, но она отстраняет его руку. И тут взгляд ее падает на афишу. «Что это?» – спрашивает она. Молодой человек поворачивает тумбу и на ее обратной стороне мы видим портрет. Девушка в изумлении переводит взгляд с портрета на своего партнера. Внезапная догадка осеняет ее. «Это вы?» – спрашивает она. – Я танцевала с самим Штраусом?» – «Да», – отвечает тот и, приподняв шляпу, кланяется, благодаря за танец, и удаляется. А она, повернувшись к портрету, протягивает к нему руки.

Все это представилось мне в те 40 минут, что были отведены для сочинения. К моему удивлению, когда я, закончив слушание музыки, взглянул на часы – прошло действительно ровно 40 минут. «Ну, пошли», – сказал я музыкантам, и мы перешли в другое крыло Дворца культуры, где ждали будущие исполнители. Мне очень хорошо запомнилась эта репетиция, от которой я получил истинное удовольствие. Работать с такой талантливой танцовщицей-актрисой было легко. Наше увлечение уносило нас в другой мир: мир, в котором жили наши герои – действующие лица этой танцевальной миниатюры. Я едва успевал показывать очередную композицию, как ее уже подхватывали артисты и неслись в увлекательном танце так, будто давно его знали. Работали с огромным подъемом, время летело незаметно: все было сделано за один час.

В тот куйбышевский период я не помню, чтобы Ольга Васильевна когда-нибудь отдыхала. Если у нее не было днем репетиции, а вечером спектакля, она и днем и вечером работала над своей концертной программой. В те же редкие свободные минуты, которые в течение дня выпадали, она училась. Однажды весной 1942 года я вышел погулять на высокий берег, подышать родным волжским воздухом. Вдали я заметил знакомую фигурку миниатюрной женщины с книжкой в руках. Медленно прогуливаясь, она читала. «Здравствуйте, Леличка, что вы сегодня читаете?» – «Я не читаю, Славочка, я учу французский язык». – «Вы ведь знаете английский?» – «Да, а французский не очень хорошо». Я был поражен трудолюбием и жаждой знаний нашей балерины. Даже в такое трудное время свой отдых, прогулку она использовала для работы над собой. «Большой вы молодец, какая умница», – вырвалось у меня. Она не любила таких похвал, хотя почувствовала искренность моих слов и перевела разговор на другую тему.

Вскоре Ольга Васильевна со своей бригадой уехала в Москву, а оттуда на фронт, в воинские части.

Великой Победой закончилась страшная война. Но еще в августе 1943 года на большом волжском пароходе мы отправились в Москву. Странное впечатление произвела некогда многолюдная, шумная столица. Прохожих было мало, машины по большей части шли военные. На крышах стояли зенитные орудия, которые обслуживали девушки-зенитчицы,

другие девушки, намотав на руки канаты, тащили по улицам огромные аэростаты воздушного заграждения, которые поднимались над городом в ночное время. Большой театр мы не узнали, так он был замаскирован холстами, на которых были нарисованы другие здания, какие-то крыши.

Но вскоре театр открылся для публики, которая до отказа заполняла его зал. Надо сказать, что и в Москве часть труппы, которая не была эвакуирована, давала оперные и балетные спектакли в помещении Филиала в течение почти всего военного периода, вплоть до нашего возвращения. Это сыграло большую роль в деле обслуживания остававшихся в столице рабочих и формирующихся воинских частей.

Итак, война окончена. Всенародное ликование встретило праздник Победы, который мы не забудем никогда. Чувствовалась необходимость и нам – работникам Большого театра своим искусством откликнуться на эту всеобщую радость. Выбор пал на новый балет Сергея Сергеевича Прокофьева «Золушка». (Премьера балета в постановке Ростислава Захарова состоялась на сцене Большого театра 21 ноября 1945 г. В заглавной партии – Ольга Лепешинская.)

*Вступительный текст, составление,
подготовка текста и комментарии В. М. Турчина.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Захаров Ростислав Владимирович (1907–1984) – доктор искусствоведения, профессор, народный артист СССР, заведующий кафедрой хореографии Российского института театрального искусства – ГИТИС.

ABOUT THE AUTHOR

Rostislav Zakharov (1907–1984) – *Dr. habil. in Arts, Professor, People's Artist of the USSR, Head of the Choreography Department of Russian Institute of Theatre Arts (GITIS).*

Захаров Р. В. Искусство – фронту (из воспоминаний) // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2020. № 2. С. 208–221.

DOI: 10.35852/2588-0144-2020-2-208-221

Zakharov R. V. The art for the front (From memories). In: Theatre. Fine Arts. Cinema. Music. 2020, no. 2, pp. 208–221.

DOI: 10.35852/2588-0144-2020-2-208-221